

**АДОРНО Т. ВВЕДЕНИЕ В СОЦИОЛОГИЮ / ПЕР. С
НЕМ. Б.М. СКУРАТОВА ПОД РЕД.
О.В. КИЛЬДЮШОВА. М.: ПРАКСИС, 2010. — 384 с.**

Внутри научного жанра можно выделить издания, тексты которых ученики и последователи (ре)конструировали по конспектам и черновикам *post mortem* авторов. Некоторые из таких текстов, как, например, Фердинанда де Соссюра или Джорджа Мида, стали мировой классикой. Эту книгу автор тоже не писал и публиковать не собирался. Книги вообще никакой не было — читался курс лекций. Специфика издания состоит в том, что прочитанный во Франкфуртском университете в 1968 г. курс лекций Теодора Адорно записывался на магнитофон, и эти записи по счастью полностью сохранились. Возможность сделать стенограмму живой речи дает издателю серьезное преимущество, однако, чтобы читатель мог им воспользоваться, ему придется приложить известные усилия, о чем предупреждает безымянная страничка (с. 7–8) и послесловие издателя оригинального текста (с. 359–362). Устное выступление отсылает к текущим событиям, часто малозначимым в долгосрочной перспективе, изобилует повторами, вводными словами, отвлечениями, корявостями и т. п., а потому, как отмечает издатель, стремление сохранить атмосферу лекционного действия делает невозможным соблюдение канонов письменной речи. Трудности при подготовке оригинального текста многократно умножаются при переводе, что, соответственно, умножает и необходимые усилия читателя перевода. Все же полагаем, что затраченные усилия на освоение 17 лекций будут вознаграждены: «Введение» — текст безусловно дидактический, но не школярский, не похож на продукт, изготовленный с ориентацией на формальные требования учебного плана. Он обращен к коллегам, которых начинают уважать на самой ранней стадии их профессиональной карьеры.

Лекция 1 начинается с ироничного предупреждения о том, что профессиональные шансы выпускников по специальности «Социология» плохи: количество выпускников обгоняет потребности рынка, между планами выпускников и реальным трудоустройством большой разрыв, общество не вполне понимает, как использовать социологов, а самый большой работодатель — высшая школа, которая, как оказывается, производит кадры, прежде всего, для себя (с. 9–12). Не меньше иронии содержит и проблема: как студенту одновременно подготовить себя к тому, чтобы «заниматься общественно полезным трудом» и «духовно найти свое место в жизни» (с. 13); слушатель быстро понимает, что ирония на самом деле относится к первой задаче, а никак не ко второй. Мэтр не обещает рецептов относительно трудоустройства; более того, он даже отказывается предлагать начинающим

дидактически выверенный план освоения дисциплины, например, прояснить предмет социологии, потом раскрыть ее основные области, потом методы... Напротив, Адорно утверждает, что «студенты должны сами изыскать способ, каким они будут втягиваться в это несколько расплывчатое образование», как он именует социологию (с. 15) и предписывает каждому «образующему самого себя» достигать автономии и, «подобно знаменитому мулу у Гёте, “в тумане искать свой путь”» самому (с. 17). Столь откровенная недидактичность (с. 20–21) оправдывается ссылкой на академическую свободу, которая, по мысли автора, несовместима с постановкой университетского образования *на поток* (с. 16). Мэтр выступает против духа реформ германского университета конца 1960-х, утверждая, что в отличие от школы в академическом образовании «не все... происходит... поэтапно... и без пробелов, но как бы скачками; на нас... внезапно находит озарение... мы достаточно долго погружаемся в вещи, ...иногда мы сперва испытываем трудности с пониманием, ...затем благодаря длительности занятий с материалом и, прежде всего, благодаря рефлексии по поводу материи происходит нечто вроде качественного скачка, в результате которого проясняются вещи, поначалу казавшиеся не столь очевидными» (с. 18). Здесь речь идет не столько о конкретных реформах, сколько о качествах исследователя, формируемых, в отличие от «школы», «академией» сообразно «академическому» предмету. Через весь курс Адорно выступает сторонником диалектической, недогматической, нацеленной на постижение *истины* социологии, что предполагает признание объективности социальных законов.

Специфику академического социологического (и философского) образования (в отличие от естественных наук и математики, где возможно непрерывное восхождение от простого к сложному) Адорно связывает с особенностями предмета социологии — с обществом, в котором он видит «конститутивную противоречивость», прерывность (с. 20), «антагонистический характер» (с. 34), диалектичность (с. 37). Задача социологии — «проникновение в то, что сплывает общество» (с. 112), — не может решаться дискретными усилиями.

Раскрывая понятие общества, Адорно подробно рассматривает истоки внутренней противоречивости социологии, сочетая аргументы и к особенностям предмета, и к специфическим интенциям субъекта социологического познания (точнее, разных субъектов познания, *in concerto* осуществляющих познание общественное (с. 37) — лекция 2; анализирует соотношение сущности и явления применительно к социологии и диалектически характеризует сущностные для социологии общественные вопросы — лекция 3; обращает внимание на скрывающееся под понятием «общество» разнообразие «типов совместной жизни и производства и воспроизводства жизни людей» (с. 65) и функциональный (нельзя указать пальцем), диалектический характер

этого понятия, «обозначающего отношения между людьми» (с. 81) — лекции 4 и 5. Наконец, в лекции 6, завершающей условно выделяемый раздел «Введения», где дается теоретико-методологическое истолкование предмета социологии, Адорно призывает будущих социологов противопоставлять живой опыт становления общества опыту, «который уже овеществился и зачерствел» (с. 110), и подчеркивает неапологетичность такого противопоставления.

Следующие 5 лекций — настойчивое уклонение от обзора субдисциплинарного строения социологии и не менее настойчивые предупреждения против автономизации какой-либо субсоциологической дисциплины. В лекции 7 Адорно демонстрирует карикатурность попыток найти убежище от необходимости развивать (всеобъемлющую) теорию общества — в узкой специализации. Соблазнительность подобных попыток для социологов лектор связывает, в частности, с активно формируемой медиа-индустрией слабого индивидуального «Я»: «...люди, чрезмерно стараясь приспособливаться к конкретным ситуациям и стремительно реагировать на них, не могут образовать у себя жесткое, фиксированное, не изменяющееся от ситуации к ситуации “Я”» (с. 118). Присутствующую по всех лекциях критическую установку в привязке к данной цитате можно выразить так: формируемое с помощью медиа по канонам классического бихевиоризма общество не нуждается в рефлексивных в общественном горизонте индивидах и специально не создает условий для их появления (во всяком случае, как неоднократно подчеркивает лектор, в реформируемых университетах); поэтому *воспитание академически мыслящего социолога*, по-видимому, остается частным делом. Очевидно, наиболее соблазнительным способом ухода в «конкретику» Адорно как представитель критической теории видел в формализации процесса социологического познания. Признавая самоценность и завершенность некоторых разделов применения математического аппарата (а также свою ограниченную компетентность в этих вопросах), Адорно часть лекции 7 и целиком лекции 8–10 посвящает предостережению своих будущих коллег от поточного, механического, нерелексивного применения методов, разъяснению необходимости выбирать метод в строгом соотношении с предметом исследования. В лекции 11 говорится о пользе *исторического* изучения истории социологии (социологически релевантных трудов прошлого) для понимания *актуальных* общественных процессов и о политической ангажированности отрицания такой пользы.

Утвердив синхроническую и диахроническую тотальность социологии и общества, как предмета социологии, Адорно переходит к рассмотрению её границ. В лекциях 12–14 читатель найдет множество нетривиальных аргументов тезису: когда «так называемая чистая социология... пытается, исходя из... выпадающей на её долю

предметности, отгородиться от всех остальных дисциплин и стать ни чем иным, как просто социологией, [она] в конечном счете, вообще утрачивает свои специфические качества и превращается всего лишь в своего рода прикладную статистику» (с. 241–242). Выступая против установления жестких дисциплинарных границ, Адорно, в частности, дает развернутую критику Веберовскому определению предмета социологии через истолкование социального действия. Усиливая свой тезис, Адорно, на примере идеальных типов господства, развенчивает Веберовский проект создать чистые категории социологии — социологические идеальные типы, — демонстрируя, что при анализе эмпирического материала Вебер сам не выдерживает собственных «чисто социологических» канонов. Лекция 15 посвящена критике притязаний социологии на господство, на ответственность «за контроль и устройство общества» (с. 264). Критика претензий социологии на господство продолжена и в лекции 16, где, в частности — в противоположность всякого рода позитивизму, с которым Адорно систематически борется за умы своих слушателей, — утверждается одновременная субъект-объектность и социологии, и общества, которое та изучает. Тот факт, что к формулировке этого центрального для критической теории тезиса лектор приходит в предпоследней лекции «Введения», свидетельствует об особой дидактике курса: дидактике конструирования профессии как призвания в условиях идейно не дружественного окружения. Завершает предпоследнюю лекцию раскрытие политической ангажированности отграничения социологии от экономики (учения о народном хозяйстве). Заключительная лекция 17 — апология историческому измерению в социологии, которое необходимо сохранять постольку, поскольку «способность толкования — это, по существу, способность осознавать в феноменах становление или застывшую динамику» (с. 297).

Теперь можно смело сформулировать основное коммуникативное задание «Введения» — призыв к социологам не становиться профессионалами в узко техническом смысле, а в поиске своего места в мире через духовно-деятельное участие в нем, по возможности — через обращение к теории, через постоянную рефлекссию над понятиями, методами и, в первую очередь, над спецификой науки социологии и ее предмета — постоянно выходить в истолковании предмета своего исследования за границы непосредственной, «фактической» данности. Возможно, читатель согласится, что подобными нетехническими введениями в дисциплину наша социологическая публика не избалована.

О.А. Оберемко,
кандидат социологических наук,
Институт социологии РАН